

Б. И. Осипов (Омск)

**Десять лет спецкурса "Финно-угорские языки"
на филологическом факультете Омского университета
и опыт чтения его удмуртского раздела**

Десять лет назад я, в то время профессор кафедры общего языкознания Омского университета, и владеющая венгерским языком О. Г. Никонорова, в то время преподаватель этой же кафедры, а ныне кандидат филологических наук и доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, предприняли попытку читать на венгерском и удмуртском материале ознакомительный спецкурс "Финно-угорские языки" для студентов-русистов. Понимая, что названные языки не относятся в сибирских условиях к самым востребованным, мы не ожидали большого успеха спецкурса у студентов. Но прошло десять лет, а спецкурс живет. Правда, в течение одного учебного года, когда О. Г. Никонорова заканчивала кандидатскую диссертацию, его читала приглашенная преподавательница-эстонка на эстонском и финском материале, но все остальные годы изучались по-прежнему венгерский и удмуртский. При количестве студентов-третьекурсников, которым этот курс читается, в пределах 45–50 человек и при наличии выбора в среднем из пяти спецкурсов (двух-трех по языкознанию и одного-двух по литературоведению) в спецкурс по финно-угорским языкам записывается ежегодно от 3 до 17 человек. (Так, в 2007–2008 учебном году его посещало 14 студентов, в том числе некоторые второкурсники – досрочно, с опережением своего учебного плана).

Курс читается в течение семестра в объеме 34 часов, из которых 22 отводятся на венгерский и 12 – на удмуртский язык. Конечно, при таком объеме учебных часов невозможно овладеть двумя сложными языками, но мы и не ставим такой цели: цель спецкурса – расширить общетеоретические горизонты студента, показать, насколько различным может быть устройство языко-

вой системы в разных языках. Кроме того, во вступительных лекциях даются краткие сведения об истории и культуре финно-угорских народов и самые общие характеристики финно-угорской языковой семьи в целом. И все-таки мы добиваемся того уровня знания языка, который характеризуется формулой "читаю и перевожу со словарем" и к зачету требуем домашнего письменного перевода небольшого и несложного текста. На этой стороне получаемых студентами знаний я и хочу остановиться, имея в виду удмуртскую часть спецкурса.

Прежде всего несколько слов об используемой литературе. В нашем распоряжении имеются "Русско-удмуртский разговорник" Б. Ш. Загуляевой (Ижевск, 1991) с помещенной в нем статьей И. В. Тараканова "Некоторые исторические сведения об удмуртах и удмуртском языке", учебное пособие М. К. и Б. И. Каракуловых "Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков" (Глазов, 2000), а также грамматические очерки удмуртского языка в "Русско-удмуртском словаре" (М., 1956), "Удмуртско-русском словаре" (М., 1983) под редакцией В. М. Вахрушева и в кратком "Удмуртско-русском, русско-удмуртском словаре" Р. Ш. Насибуллина и С. А. Максимова (Ижевск, 1995). Все названные источники написаны на достаточно высоком уровне и при этом в достаточно доступной манере изложения. Что касается текстов для перевода, то первоначально мы использовали статьи из журнала "Инвожо", однако они в значительной части оказались слишком сложными при достигаемом нами уровне знания языка, так что позднее мы стали пользоваться текстами из детского журнала "Кизили", но и при этом оказалось необходимым рекомендовать чисто информационные материалы, избегая художественных текстов (особенно стихотворных и юмористических).

После того, как изучены фонетика и правила чтения, изучается наиболее употребительная лексика (этикетные формулы, самые ходовые названия предметов, качеств, действий), причем для закрепления навыков чтения и письма изучаемые слова записываются под диктовку на доске и затем прочитываются студентами. Особый интерес вызывает у слушателей спецкурса сравнение русских и удмуртских фразеологизмов (приводится сначала буквальный, а затем настоящий перевод удмуртских выражений, что позволяет наглядно показать национальные особенности видения мира). После этого даются основные сведения по грамматике. Особое внимание уделяется, конечно, необычным для русского языка особенностям грамматического строя: агглютинативному оформлению падежных и числовых форм, отсутствующим в русском языке категории притяжательности у существительного, категориям фиктивности и маломерности у глагола, специфическим разрядам причастий и деепричастий.

Теперь о тех трудностях, которыми чаще всего порождаются у слушателей спецкурса ошибки в чтении и переводе.

В области фонетики, как нетрудно догадаться, это прежде всего удмуртские особенности мягких согласных, не совпадающие с русскими: во-первых, замена удмуртских среднеязычных (палатальных) русскими палатализованными, а во-вторых, замена удмуртской позиционной полумягкости (слабой палатализации) перед передними гласными либо обычной русской палатали-

зацией (если после согласной буквы в удмуртском слове пишется *e, u*), либо твердостью (если после согласной написана *э*). При этом ошибки второго типа (то есть неверное чтение согласных перед *e, u, э*) встречаются чаще: видимо, отличие палатальных от палатализованных на слух усваивается легче, чем отличие “нормально” палатализованных от слабо палатализованных. Кроме того, носителю русского языка при чтении записи удмуртского текста всегда приходится помнить, какие из удмуртских согласных имеют палатальные пары, а какие нет, поскольку после букв, обозначающих непарные по этому признаку согласные в случаях позиционной полумягкости, пишутся буквы *e, u*, а не *э, й*. Не вызывает особенных трудностей такая черта, как отсутствие оглушения звонких согласных на конце удмуртских слов (может быть, и потому, что эта особенность свойственна английскому и французскому языкам, которые изучаются как иностранные и в школе, и в вузе).

Самыми разнообразными являются, конечно, лексические ошибки. Трудно даже предложить какую-то их классификацию, но, пожалуй, наиболее распространенным оказывается ошибочное или неточное понимание омонимов, возникающих в результате семантического словообразования, часто совпадающего в разных языках. Например, если мы видим перевод *Она поняла прислать ему подарок*, то ясно, что удмуртский глагол *валаны* надо бы здесь перевести как *сообразила* или *догадалась*. Неоднократно встречались ошибки при переводе глагола *кутыны* применительно к охотничьему промыслу: видимо, он означает *добыть*, независимо от того, пойман зверь или убит, а перевод *поймать* встречается и в контекстах, где речь идет несомненно об убитом звере. Иногда подобные семантические сдвиги приводят к тому, что и весь переводимый текст бывает передан весьма и весьма приблизительно.

В словообразовательной сфере встречаются затруднения и при образовании русских оттопонимических прилагательных: например, *Можга ёрос* может быть передано как *Можгайский район* вместо *Можгинский*.

На стыке лексики с грамматикой находятся ошибки, вызываемые большей, сравнительно с русским языком, разветвленностью удмуртской системы причастий и деепричастий и их большей употребительностью в различных стилях речи. Студенты не всегда догадываются заменить удмуртское причастие русским прилагательным: например, фразу, которую надо было бы перевести *Кузубай Герд был разговорчивым и певучим*, переводят *был говорящим и поющим*. Кроме того, даже и при верном переводе в разговорном стиле речи зачастую лучше бывает заменить действительное причастие или деепричастие личной формой глагола (не *плача, шел*, а *шел и плакал* и т. п.). Впрочем, этот последний недостаток нередко встречается и у профессиональных переводчиков с удмуртского.

В области грамматики дают себя знать различия порядка слов, обычного для удмуртского и для русского языков. Хотя ни в том, ни в другом языке словопорядок не является жестким, но постпозиция глагола в русском предложении, не составляя, вообще говоря ошибки, все-таки часто производит впечатление речевой шероховатости, ср.: *По реке два километра к месту ловли неводом или; Гера далеко сзади, плача, шел* и т. п.

При всем том бывают довольно успешные попытки даже перевода стихотворного текста. Вот опубликованное в журнале "Кизили" (июль – август 1998, № 7–8) стихотворение Ирины Самигуловой и его перевод, сделанный в 2008 г. студенткой Евгенией Гинзбург:

– Кутй! Кутй! Чорыг кутй! –
Шур кузя бызе Коли.
Эшъёсыз аяз лыкто,
Коли понна шумпото.
Нош пияш ортчыт лӧптэм,
Нырзэ со вылз жӱтэм.
Ушъяське ук, ушъяське –
Я ассэ, я чипейзэ:
– Выриды тй шулёен –
Кутйды оген-кыкен.
Ваньдылзсь усто луи,
Ас быдзам чипей кутй!
Тйнь соку шӧдтэк шорысь
Чорыгез шуре тэтчиз.
Акыльтйз, дыр, ушъяськись –
Чипей быжыныз шонтйз.

Сидит Коля у реки.
Показались пузырьки.
Коля сразу засиял:
– Рыбу я поймал, поймал!
Вот друзья его бегут:
Очень рады: – Very good!
Коля воодушевлен,
Удочку вздымает он.
– Вот друзьям бы хвостануть!
Коля выбрал верный путь:
Щуку изловить – наука!
– Шевелится! Ай да щука!
Стал он удочку тянуть:
Так хотелось хвостануть!
– Я ж большой – поймаю сам!
Ишь ты, щука! Я те дам!
Но... ошибка: дернул резко –
Неподвластна Коле леска.
И рыбалка уж не дело...
Коле это надоело,
Щука ж – мах себе хвостом,
Да и в реку, в щучий дом.

В целом, несмотря на естественные при столь скромном объеме курса трудности, студенты в большинстве своем показывают все-таки достаточную способность домашнего письменного перевода со словарем, а главное – проявляют неподдельный интерес к особенностям языка, резко отличающегося от русского во многих фонетических закономерностях, особенностях фразеологии, грамматических категориях, приемах слово- и формообразования.

Это позволяет в дальнейшем, при изучении курса общего языкознания, более живо и конкретно осмысливать типологически далекие языковые системы, яснее понимать возможность отражения даже как будто сходных, идентичных явлений окружающей действительности и внутреннего мира человека в весьма различных языковых структурах.